

АЛЕКСЕЙ

ТАДРИАТ

КРЫСА

КАЛУГИН

ВСЕ ПОД
КОНТРОЛЕМ

ТАДРИАТ

Алексей Калугин
Дело о портрете Моны Лизы
Серия «Все под контролем», книга 4

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=161736
Все под контролем: Эксмо; Москва; 2002
ISBN 5-04-009364-0*

Аннотация

Трудна и опасна работа сотрудников Департамента контроля за временем! Но зато на их долю регулярно выпадает высокая честь раскрытия самых головоломных загадок истории...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	27
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Алексей Калугин

Дело о портрете Моны Лизы

Глава 1

Предмет, оказавшийся в руках Леонардо, не был похож ни на что. За свою жизнь, – а не так давно, в апреле, ему исполнился пятьдесят один год, – Леонардо повидал немало диковинок, но сейчас он готов был признать, что держит в руках самую удивительную вещь из всех, что когда-либо создавались гением человеческого разума в сочетании с невысказанно тонкой работой искуснейшего из мастеров.

Взявшись двумя пальцами за кончики черной полоски, сделанной из прочного, упругого, но при этом необычайно пластичного материала, Леонардо растянул ее и, наклонив голову, так, что длинные волосы упали на правое плечо, посмотрел на плоский прямоугольник со срезанными углами, закрепленный по центру.

Леонардо сделал два шага к окну, плечом приоткрыл створку, забранную свинцовым переплетом с небольшими четырехугольными стеклами-миллефиори, внутрь которых были вплавлены разноцветные звездочки и цветы, и присел

на подоконник. Ему хотелось получше рассмотреть драгоценную вещицу.

Человек, передавший Леонардо удивительный прямоугольный предмет на черной полоске, назвал его часами. Но с часами, что висели на стене мастерской Леонардо, они не имели ничего общего. Начать хотя бы с того, что на крошечных часах, которые, как объяснил Леонардо незнакомец, следовало носить, пристегнув ремешком к запястью, не было циферблата. Цифры, соответствующие часам и минутам, горели в узком окошке, расположенном в верхней части часового корпуса.

Освоиться с цифрами, указывающими время, для Леонардо не составило труда. Разобраться же с прочими функциями, которые, как выяснилось, могли выполнять диковинные часы, оказалось куда труднее. Человек, принесший часы, показал, как с их помощью можно легко и быстро производить математические расчеты. Все остальное он обещал объяснить после того, как Леонардо согласится отдать за часы картину, которую он на днях закончил.

Незнакомец обставил свое предложение с искусством, достойным опытейшего демона-искусителя со стажем в несколько веков: он ушел, пообещав снова зайти завтра после полудня, но оставил Леонардо часы, предоставив мастеру возможность самому разобраться с тем, на что они были способны.

Леонардо уже попытался наугад нажимать на клетки, обо-

значенные незнакомыми ему символами. Но в ответ на это в светящейся ячейке появлялись либо точно такие же непонятные значки, либо цифры, неизвестно что обозначавшие.

Леонардо перевернул часы. С обратной стороны корпус был закрыт тонкой металлической пластинкой с выбитым на ней семизначным числом. Нитевидная щель, тянущаяся по краю крышки, свидетельствовала о том, что корпус часов можно открыть. Но незнакомец предупредил Леонардо, что делать этого не следует. По его словам, часы могли работать без завода на протяжении двадцати пяти лет. Но только в том случае, если их корпус будет оставаться закрытым.

Леонардо был почти уверен, что ему, с его знанием тончайших механизмов и опытом работы с прихотливыми устройствами, удастся вскрыть корпус часов, не повредив ни одной из деталей, приводящих этот удивительный прибор в действие. Но, поскольку крошечное, размером с маковое зернышко сомнение у него все же оставалось, он хотел для начала разобраться с теми функциями часов, которые пока были ему неизвестны.

В дверь негромко постучали.

Спрыгнув с подоконника, Леонардо быстро спрятал часы в карман.

Тайна также являлась одним из условий, на которых настаивал незнакомец. Да Леонардо и сам понимал, что устройства, подобные сим удивительным часам, равно как и место, где они были изготовлены, представляют собой один из тех

великих секретов, которые не скоро станут достоянием всего человечества. Ему доводилось слышать о тайных обществах, хранящих знания древних цивилизаций, о самом существовании которых мало кому было известно. Однажды ему даже было осторожно предложено вступить в одно из них. Но Леонардо предпочитал жить открыто, не делая тайны из того, что ему удавалось создать с помощью собственного разума и рук, поэтому он, не раздумывая, ответил отказом.

Принадлежал ли незнакомец, принесший Леонардо часы, к одному из тайных обществ? А если так, то что побудило его нарушить запрет, который, вне всяких сомнений, был наложен на передачу подобных изделий непосвященным? Почему он хотел обменять часы, наверняка стоившие целого состояния, всего лишь на картину? Об этом незнакомец не стал рассказывать Леонардо. А Леонардо благоразумно не стал задавать вопросы, ответы на которые он все равно бы не получил.

Тяжелая дубовая дверь приоткрылась ровно настолько, чтобы в нее смог заглянуть юноша шестнадцати лет.

– Входи, Франческо, – улыбнувшись, махнул рукой Леонардо.

Юноша вошел в мастерскую и аккуратно прикрыл за собой дверь, – мастер Леонардо настаивал на том, чтобы двери в комнатах, в которых он работал, были всегда закрыты. Франческо был одет в малиновый кафтан, перехваченный на талии плетеным золотистым шнурком, и узкие панталоны,

доходившие до колен, сшитые из бело-голубых продольных полос. На ногах – башмаки с отворотами, но без новомодных удлиненных носков.

Два года назад Леонардо взял соседского сына к себе в подмастерья. Франческо, хитрый и вороватый подросток, которого родители ни к одному делу не могли пристроить, оказался весьма смышленным учеником. Для начала Леонардо научил его разбираться в медицинских инструментах, правильно подготавливать и подавать их во время опытов, которые он проводил на животных. Достоинством Франческо оказалось и то, что в отличие от многих других помощников, с которыми приходилось работать Леонардо, он не пугался вида крови и не падал в обморок, едва взглянув на раскрытую брюшную полость с еще живыми, теплыми внутренними органами.

Однако особый интерес Франческо проявлял не к медицинским опытам мастера и не к работе по созданию удивительных, невиданных прежде механизмов и устройств, которыми также занимался Леонардо, а к рисунку и живописи. Он мог часами стоять неподвижно, заворуженно наблюдая за тем, как мастер накладывает осторожные полупрозрачные мазки на уже подсохший слой краски, отчего изображенные на картине фигуры казались окутанными слоем кристально чистого воздуха. Никому из великих мастеров живописи, кроме мастера Леонардо, не удавалось создать подобный визуальный эффект!

Страсть юноши не осталась незамеченной. Первым делом мастер Леонардо научил его смешивать краски и выбирать кисти. Франческо на удивление быстро освоил эти навыки, после чего мастер Леонардо начал учить его рисовать карандашом. Но оказалось, что Франческо уже умеет передавать не только контуры предметов, но и их объем. А взглянув на нарисованную способным юношей кисть руки, Леонардо с досадой подумал, что у него самого изображение рук так и оставалось слабым местом. И тогда Леонардо дал своему подмастерью небольшой, около сорока сантиметров в длину испорченный кусок холста, чтобы Франческо мог поупражняться в накладывании красок и отработать твердость и точность мазка.

– Посыльный принес письмо, – негромко произнес Франческо. – От синьора дель Джокондо.

– Давай, – требовательно дернул кончиками пальцев Леонардо.

Франческо быстрым шагом пересек комнату и вручил мастеру запечатанный конверт.

Нетерпеливым движением сорвав печать, Леонардо развернул хрустящий лист чуть желтоватой плотной бумаги. Быстро пробежав глазами по ровным, аккуратно выписанным секретарем Франческо дель Джокондо строчкам и едва глянув на корявую, неразборчивую подпись внизу, Леонардо усмехнулся и, скомкав бумагу, кинул ее в угол мастерской.

– Хорошие новости? – осторожно осведомился Франче-

ско.

– Очень даже, – весело подмигнул юноше Леонардо. – Дель Джокондо отказывается от покупки портрета своей жены, поскольку считает, что я изобразил ее слишком фривольно, и в соответствии с имеющимся договором требует вернуть половину из уплаченной мне за работу суммы.

– И вы этому рады? – искренне удивился Франческо.

Леонардо взмахнул согнутой в локте рукой и щелкнул пальцами, как будто собирался пуститься в пляс.

– В иной ситуации я, возможно, и расстроился бы. Но сейчас я рад, поскольку за минуту до того, как ты вошел в мастерскую, я пытался придумать предлог, под которым можно было бы оставить заказанный дель Джокондо портрет себе. В случае, если бы инициатива исходила от меня, мне пришлось бы вернуть заказчику всю сумму, уплаченную за портрет. А так, раз уж дель Джокондо сам отказался от моей работы, я имею законное право оставить себе половину.

Франческо непонимающе пожал плечами, – по его мнению, вся сумма была куда лучше половины, – но перечить мастеру не стал.

– Посыльный еще здесь? – спросил Леонардо.

– Нет, оставил письмо и ушел.

– Тогда отнесешь деньги дель Джокондо сам. И немедленно, пока этот скряга не передумал.

Леонардо подошел к стоявшему в дальнем конце мастерской большому сундуку, стенки которого были покрыты

резьбой, изображающей переплетающиеся виноградные лозы, а на крышке красовалась большая сова с раскинутыми крыльями и страшно выпученными глазами. Достав из кармана связку ключей, Леонардо отомкнул сундук, поднял крышку и вынул плоский, окованный железом ларец. Захлопнув крышку сундука, Леонардо поставил ларец сверху и отомкнул его другим ключом.

Подмастерье, стоявший в трех шагах позади Леонардо, вытянул шею, пытаясь рассмотреть то, что лежало в ларце. Но широкая спина мастера закрывала ему обзор.

Отсчитав требуемую сумму, Леонардо ссыпал монеты в кожаный кошель, затянул шнурок и обмотал его вокруг горловины.

– Держи, – он кинул увесистый кошель Франческо. – Отнеси дель Джокондо. И имей в виду, – добавил он строгим голосом, – я не ошибаюсь, когда считаю деньги.

Столь откровенный намек ничуть не смутил Франческо.

– Конечно, мастер, – ответил он как ни в чем не бывало.

Леонардо запер ларец, поставил его в сундук, захлопнул крышку и, повернув ключ в замке, спрятал связку в карман.

Когда он обернулся, подмастерье, как прежде, стоял на том же самом месте.

– Ну? – сдвинул густые брови Леонардо.

– Значит, картина останется у нас? – Франческо задал этот вопрос, слегка понизив голос, с придыханием, так, словно речь шла о чем-то чрезвычайно важном для него.

Леонардо машинально глянул в ту сторону, где посреди комнаты, на наиболее удачно освещенном месте, стоял мольберт с недавно законченной картиной, поверх которой было накинуто легкое белое покрывало.

– Не у нас, а у меня, – поправил он юношу. – И только до завтра.

– Только до завтра, – упавшим голосом, словно эхо, повторил следом за мастером Франческо.

– Да, – Леонардо, казалось, не заметил перемены в настроении юноши. – Я уже нашел нового покупателя.

– Мастер, – с надеждой глянул на Леонардо юноша. – Вы позволите мне еще раз взглянуть на нее?

Леонардо едва заметно усмехнулся. Он уже давно заметил, что взгляд Франческо загорался огнем страсти всякий раз, стоило ему только посмотреть на портрет Моны Лизы дель Джокондо. Поначалу Леонардо было решил, что его подмастерье без ума от молодой жены дель Джокондо. И даже опасался, как бы по молодости лет юноша не натворил каких-нибудь глупостей, за которые потом дорого придется расплачиваться. Но, как вскоре выяснилось, Франческо был влюблен именно в портрет, а вовсе не в ту живую женщину, с которой он был написан. Этого Леонардо не мог понять.

Мастер подошел к мольберту и сдернул с картины покрывало.

Франческо замер, весь обратившись в зрение. Взгляд его плавно скользил по фигуре и лицу изображенной на кар-

тине женщины, чьи восхитительные черты были богоподобны. Казалось, он хотел, чтобы каждый мазок, отображающий движение кисти художника, навеки запечатлелся в его памяти.

– Ты тоже находишь картину непристойной? – спросил у подмастерья Леонардо.

– Что вы! – не отводя взгляд от изображения, негодуя воскликнул Франческо. Затем, после паузы, он тихо выдохнул: – Она восхитительна!

Леонардо довольно улыбнулся. Несмотря на то, что это была уже далеко не первая его работа, каждая из которых вызвала неизменные восторги зрителей, он все еще получал истинное удовольствие от похвалы. Недовольство же безголовых ослов вроде дель Джокондо мастер просто не принимал в расчет. Он обладал весьма полезной способностью быстро и прочно забывать эпизоды, о которых не хотел вспоминать в дальнейшем.

Глава 2

Опытные вулканологи считают, что вулкан наиболее опасен и непредсказуем именно тогда, когда внешне все выглядит тихо и мирно: не вздрагивает то и дело земля у подножия огнедышащей горы, не вырываются из трещин в камнях струи едких, удушающих серных газов, не взлетают высоко вверх тучи серого пепла, а темными ночами над жерлом вулкана не висит красноватое марево, – как будто раскаленное магматическое озеро навсегда застыло, покрывшись толстой коркой холодного базальта. Но на самом деле в это время в глубинах вулкана протекают незаметные стороннему наблюдателю процессы, результатом которых может стать разрушительной силы выброс, способный уничтожить любые признаки жизни на много километров вокруг. Впрочем, как говорят все те же специалисты-вулканологи, с таким же успехом может и ничего не случиться. Зарождающаяся в глубинах вулкана мощь уйдет глубоко вниз, под землю, спровоцировав разве что появление новой трещины в тектонической плите, той самой, которая в незапамятные времена выдавила на поверхность огнедышащую гору. Но, в любом случае, если вулкан вдруг затихает, вулканологи настоятельно советуют оставаться настороже и быть готовым к самому худшему. В конце концов, если ничего так и не случится, это станет великолепным поводом от души посмеяться над незадачли-

выми предсказателями, чтобы больше никогда уже не вспоминать о собственных страхах, пережитых в минуты перевозного ожидания кажущейся неминуемой катастрофы.

Тимур Барцис, генеральный инспектор Отдела искусств Департамента контроля за временем, был похож на вулкан, находящийся в стадии временной стабилизации протекающих внутри его процессов. Кипящая в нем энергия почти никак не проявлялась ни в его нарочито замедленных движениях, ни в выражении лица, которое порою казалось лишенным мимической мускулатуры. Однако все сотрудники Отдела искусств знали, что, находясь поблизости от Барциса, взрыва следовало ожидать в любую минуту. Если же аудиенция у генерального инспектора заканчивалась без эксцессов, то, выходя из начальственного кабинета, следовало поблагодарить за это провидение, проявившее на сей раз благосклонность.

Чуть повернув бритую голову, похожую на большой кокосовый орех, в сторону стоявшего навтыжку слева от стола инспектора Ладина, Барцис едва заметно шевельнул левой бровью. Принимая в расчет присущую генеральному инспектору скудость мимики, расценивать сей жест можно было двояко: как признак заинтересованности или как симптом недовольства.

– И что дальше? – гулко пророкотал генеральный инспектор.

– Он сказал, что будет говорить только с вами, – инспек-

тор Ладин быстро сглотнул и с вожделием посмотрел на небольшой столик возле окна, на котором стояли бутылки с минеральной водой, охлаждаемые нагнетаемым снизу потоком ледяного воздуха.

Барцис задумался. Лицо его при этом сделалось настолько неподвижным, что можно было подумать, будто он заснул с открытыми глазами.

Спустя минуту указательный палец левой руки генерального инспектора поднялся на полсантиметра вверх. Это могло означать только одно – он принял решение.

– Переключи на внешнюю связь, – велел он секретарю.

Секретарь на вращающемся кресле повернулся на полоборота влево и щелкнул парой клавиш контрольного селектора. Из невидимых динамиков, расположенных где-то под потолком, раздался приятный переливчатый сигнал зуммера.

– Можете говорить, – тихо сказал секретарь.

– Слушаю, – коротко произнес Барцис.

– С кем я разговариваю?! – прокричал из динамиков неприятно высокий, подвизгивающий в конце фразы голос. – Мне нужен генеральный инспектор Отдела искусств! Ни с кем другим я говорить не стану!

Не дожидаясь указаний, секретарь уменьшил громкость.

Барцис скосил взгляд на лист распечатки, которую вручил ему Ладин. Это были результаты анализа голосовых характеристик звонившего, в соответствии с которыми желающий

говорить с генеральным инспектором незнакомец имел психопатический тип личности с явно выраженным комплексом неполноценности и необоснованными претензиями на всеобщее признание.

Левый уголок губ генерального инспектора чуть приподнялся вверх, – похоже было, что Барцис не ожидал от разговора ничего хорошего.

– Как ваше имя? – медленно произнес он.

– С кем я разговариваю?! – вновь взвизгнул незнакомец.

– Тимур Барцис, генеральный инспектор Отдела искусств Департамента контроля за временем.

– Как вы можете это подтвердить? – спросил незнакомец после непродолжительной паузы.

– А какое подтверждение вы хотели бы получить? – поинтересовался Барцис.

Незнакомец, похоже, задумался.

– Я верю вам! – неожиданно объявил он.

– Рад это слышать, – усмехнулся одними губами Барцис.

Незнакомец словно и не услышал его вовсе.

– И знаете, почему я вам верю? – спросил он и тут же, не сделав даже секундной паузы, сам ответил на вопрос: – Потому что вы обязаны со мной поговорить! – он сделал особый нажим на слове «обязаны». – В противном случае произойдет непоправимое! Да-да! Именно – непоправимое!..

Незнакомец был готов и далее продолжать свою довольно-таки бессвязную речь, но Барцис перебил его:

– Быть может, для начала вы представитесь?

– Конечно! – с отчаянной решимостью выкрикнул незнакомец, да так, что секретарю вновь пришлось понизить уровень звука. – Мое имя должно быть вам знакомо! А вскоре оно станет известно всем и каждому! Меня зовут Юрген Хрычов!

– Хрящ, – произнес одними губами инспектор Ладин.

Барцис скосил взгляд на инспектора и едва заметно кивнул.

Вне всяких сомнений, имя Юргена Хрычова было известно каждому сотруднику Отдела искусств. Неудачливый художник, не сумевший сыскать ни благорасположения критиков, ни любви истинных ценителей живописи, ни признания широких масс неискушенной публики, нередко отдающей свое сердце трудолюбивым ремесленникам без искры божьей в душе, но зато с исключительным пониманием той простоты и безыскусности, которая, как это ни странно звучит, остается востребованной во все времена, Юрген Хрычов решил отправиться на поиски славы иным путем. Он объявил себя лидером группы нигилистов-реформаторов от искусства. По большей части это были такие же несостоявшиеся или же попросту обделенные талантом художники и примкнувшая к ним анархизирующая молодежь, приходящая в граничащий с легким помешательством экстаз от книг Троцкого, Че Гевары и Придорогина. Хрычов, взявший себе к тому времени мужественный псевдоним Хрящ, доходчиво

объяснил своим adeptам следующее: их жизненные неудачи проистекают из того, что все места в Зале Славы, на которые имеет право претендовать каждый, уже заняты мертвецами. Все великие картины уже написаны! Все значительные литературные произведения созданы! Невозможно открыть новый стиль или направление ни в одном из видов искусства, если тысячи и тысячи людей до тебя уже неоднократно вспахивали это поле!.. Ну, и так далее, в том же духе.

Софистика, конечно, но на неокрепшие умы его последователей, именующих себя клинерами, речи Хрычова-Хряща оказывали сильное воздействие.

Поначалу в Департаменте контроля за временем клинеров не придали большого значения. Решили, пусть, мол, болтают себе что вздумается, вреда от этого большого не будет. А со временем, глядишь, и сами поймут, что были не правы.

И это при том, что Хрычов заваливал Департамент лозунгами и прокламациями, призывающими произвести основательную ревизию Каталога всемирного наследия. В соответствии с идеями Хрычова, чистка должна была освободить поле деятельности для молодых талантов, которые в существующих условиях не имели возможности самореализоваться. «Уничтожим старые, набившие оскомину картины! – писал в одном из своих манифестов неистовый лидер клинеров. – Разобьем застывшие в тупой неподвижности античные статуи! Сожжем книги, знакомые каждому с детства! заново, на пепелище и так уже надолго пережившей свое время

дегенеративной культуры прошлого создадим Великое Новое Искусство!»

На возглавляемых Хрящом клинеров обратили внимание только после предпринятой ими попытки уничтожения фресок Сикстинской капеллы. Поскольку против современных средств безопасности злоумышленники были бессильны, они решили перенести акцию в прошлое. Для воплощения своих планов в жизнь клинеры собирались воспользоваться самодельными ручными огнеметами. Акт вандализма удалось предотвратить, но, увы, не в результате операции, успешно проведенной Департаментом контроля за временем. Клинеры совершили роковую ошибку еще в процессе подготовки этого безумного деяния, обратившись за консультацией к контрабандисту, давно и весьма успешно промышляющему на витках временной спирали. Специалиста звали Павел Марин. Внимательно выслушав явившихся к нему прыщавых юнцов с горящими взглядами и козлиными бородками, Марин дал им пару советов относительно того, как следует вести себя в той или иной ситуации. А после ухода клинеров незамедлительно сообщил о готовящейся акции в Департамент. В отличие от мнящих себя героями ниспровергателей истин, Марин превосходно понимал, чем лично для него обернется чья-то чужая, пусть даже неудавшаяся попытка уничтожить один из величайших памятников культуры. У Марина имелись свои планы, и его вовсе не устраивала возможность объявления чрезвычайного положения в

зоне контроля за временными переходами.

Однако после провала первой операции по уничтожению старого, отжившего свой век искусства Хрящ, вопреки ожиданиям, не пал духом. Напротив, он объявил поражение победой. «Нас боятся, – писал он в очередном своем воззвании, – а это значит, что мы – Сила, способная изменить Историю!» Текст воззвания был размещен на пиратском сайте клинеров во Всеобщей коммуникационной сети, а также разослан по адресам музеев, библиотек, картинных галерей, научных центров и прочих учреждений и организаций, имеющих хотя бы косвенное отношение к культуре. Естественно, не был забыт и Департамент контроля за временем, – очередную эпистола Хрычова получил персонально каждый сотрудник, включая секретарей и технических служащих.

После этого клинеры уже не могли пожаловаться на недостаток внимания со стороны инспекторов Отдела искусств.

В течение года были предотвращены еще пять попыток аналогичных диверсий на различных витках временной спирали. Результатами новых акций клинеров стало лишь то, что восемнадцать человек из состава организации получили различной продолжительности сроки, которые им предстояло отбыть в зоне безвременья, а Юрген Хрычов развернул активную пропагандистскую кампанию в поддержку «жертв произвола властей», как он именовал своих незадачливых подельников.

Хрящ же оставался неуловим. Так, по крайней мере, он

сам считал. По сути же, Департамент и не предпринимал активных поисков Хрычова. Лидеру клинеров нельзя было предъявить никакого официального обвинения, – Хрящ занимался лишь планированием и подготовкой своих широко рекламируемых «акций восстановления исторической справедливости», но сам участия в них не принимал. А за творческую бездарность и скудоумие никакого наказания, увы, до сих пор не предусмотрено.

Нажав клавишу, Барцис временно отключил микрофон, посредством которого общался с Хрычовым.

– Звонок? – коротко спросил он.

– Уже отслежен, – правильно понял инспектор Ладин. – Вернее, сделана попытка отследить, – тут же поправил он себя. – Вызов идет через сеть с использованием системы разводящих зеркал, – Ладин, словно извиняясь за что-то, развел руками.

Барцис неодобрительно цокнул языком, как будто инспектор и в самом деле был в чем-то виноват, и отпустил удерживаемую клавишу.

– Так о чем идет речь, господин Хрычов? – совершенно равнодушным голосом осведомился он у своего невидимого собеседника.

Прежде чем ответить, Хрящ демонически расхохотался.

Барцис покачал головой, молча сетуя на совершенно неуместную, как ему казалось, экзальтированность собеседника.

– Речь идет о «Джоконде»! – весьма многозначительно произнес Хрящ.

– О «Джоконде»? – переспросил Барцис.

– О «Джоконде» Леонардо да Винчи, – подтвердил Хрычов. И на всякий случай уточнил: – О той, что пока еще выставлена в Лувре.

– И что же интересного вы хотите рассказать мне о «Джоконде»?

Голос генерального инспектора по-прежнему не выражал никаких чувств, хотя в душе у него уже зародилось очень недоброе предчувствие.

– Картина находится в наших руках! – гордо сообщил Хрящ. – И по сему поводу возглавляемый мною Союз борьбы за новое искусство обращается к вам с рядом требований, которые должны быть выполнены в оговоренный срок. В противном случае «Джоконда» будет уничтожена.

– Что за требования? – спросил Барцис.

– Они уже высланы вам электронной почтой.

Генеральный инспектор глянул на секретаря. Тот коротко кивнул. Обеими руками он быстро подхватывал и складывал в стопку выскальзывающие из принтера листы.

– Во-первых, мы требуем, чтобы в Москве был открыт выставочный зал, постоянную экспозицию которого должны составить работы членов нашего Союза, – продолжал между тем Хрычов. – Список работ прилагается. После двух месяцев работы в Москве выставка должна быть провезена по

всему миру. Список городов, в которых выставка должна побывать непременно, также прилагается.

Секретарь положил перед генеральным инспектором увесистую стопку листов. Придавив верхний лист четырьмя пальцами, Барцис подцепил угол стопки большим пальцем и быстро пролистнул ее, только чтобы оценить объем послания.

– Далее в послании приведен список произведений поэтов и прозаиков, входящих в наш Союз, чьи книги должны выйти в свет в ближайшие два-три месяца в достойном типографском исполнении. Ориентировочные тиражи книг указаны.

Список кандидатов на бестселлеры года с трудом уместился на сорока трех страницах.

– Кроме этого, мы выдвигаем требования выпуска массовыми тиражами мемори-чипов с записью музыки членов нашего Союза. Тем же, кто не имел пока еще возможности воплотить свои замыслы в жизнь, должны быть предоставлены студии для работы. В соответствии со списком.

– И это все? – спросил Барцис.

– Да, – подумав, согласился Хрящ. – Как видите, мы – реалисты и не требуем ничего невозможного. Поэтому мы рассчитываем получить от вас ответ в течение суток.

– Мне нравятся ваши требования, – медленно произнес Барцис. – Но мне не нравится то, что вы не предъявляете никаких доказательств того, что картина находится у вас. Где

гарантии, что это не блеф?

Хрящ снова рассмеялся.

– Я думал, мы доверяем друг другу, господин генеральный инспектор.

– Всякому доверию существуют пределы.

– У вас двадцать четыре часа на размышление, – сказал, как отрубил, Хрычов. – Если в течение этого срока вы не предоставите нам гарантий того, что все наши требования будут выполнены, «Джоконда» будет уничтожена. И тогда вы, просто заглянув в Квадратный кабинет Лувра, сможете убедиться в том, что я не блефовал.

– Хорошо, – не стал вступать в бессмысленный спор с неврастеником Барцис. – Как я могу связаться с вами?

– Я сам свяжусь с вами, когда придет время, – ответил Хрычов и, не прощаясь, отключился.

Генеральный инспектор медленно поднял левую руку и провел ладонью по бритому затылку с тремя широкими складками кожи. Правой рукой Барцис включил стереоскопический экран, повисший в воздухе прямо перед ним.

– Нынешний год сопряжен с 1503-м, – сказал он, взглянув на высветившиеся на экране данные. – В этом году Леонардо да Винчи закончил работу над портретом Моны Лизы дель Джокондо.

Рука генерального инспектора легла на стопку бумаг с выдвинутыми Юргеном Хрычовым требованиями. Тяжелый взгляд его переместился на стоявшего слева от стола инспек-

тора.

– Вы слышали, сколько времени отвел нам Хрящ?

– Да, – коротко кивнул Ладин и уже в который раз с вождением посмотрел на столик с холодной минералкой.

– У вас ровно половина этого срока, инспектор. Через двенадцать часов я жду вас с докладом, из которого мне должно стать ясно, какие меры следует предпринять и как разговаривать с Хрычовым в дальнейшем. Действуйте, инспектор.

На этот раз вулкан не взорвался.

Глава 3

С Леонардо да Винчи инспектор Ладин познакомился три года назад.

По долгу службы инспектору приходилось часто бывать во Флоренции начала XVI века. Он специализировался на культуре раннего Возрождения и, испытывая неподдельный интерес к тому, что было создано в эту удивительную эпоху, досконально изучил местные традиции и особенности. По-первоначально многое в этом времени воспринималось Ладиным едва ли не как дикость. Однако, пообвыкнув, он стал если не с пониманием, то, по крайней мере, вполне спокойно относиться к тому, что даже прогуливаясь по пьяцца делла Сеньория, приходилось постоянно смотреть под ноги, дабы не вляпаться в вонючую лужу нечистот.

Зайдя как-то раз в мастерскую художника, инспектор представился венецианским купцом Паоло дель Ланци и выразил желание познакомиться с последними работами знаменитого живописца и изобретателя. Леонардо сразу же разглядел в нем тонкого знатока и ценителя искусства. А познания дель Ланци в области механики, оптики и естественных наук произвели на мастера Леонардо неизгладимое впечатление. Конечно же, инспектор не говорил с Леонардо ни о чем, что могло бы выходить за рамки познаний великого изобретателя, но сам факт, что купец, занимающийся пере-

продажей флорентийского стекла и майолики, не только превосходно разбирался в искусстве, но был к тому же осведомлен обо всех последних достижениях науки, заставил мастера отнестись к гостю с вниманием и уважением, каковыми он удостаивал немногих.

С тех пор инспектор Ладин примерно раз в полгода навещался в дом мастера Леонардо, чтобы взглянуть на новые работы художника и поговорить об изобретениях, над которыми тот работал. Как ни странно, двое людей, которых во времени разделяли пять с половиной веков, оказались удивительно близки друг другу по духу и стилю мышления.

Последний раз Ладин навещал Леонардо два с половиной месяца назад. Но сейчас у него имелась весьма веская причина для того, чтобы нанести мастеру внеочередной визит. Ну а над обоснованием внепланового появления во Флоренции венецианского купца как следует поработали ребята из группы поддержки, создавшие всего за полчаса вполне достоверную легенду.

Дом, в котором жил Леонардо, находился в правобережной части города, неподалеку от церкви Санта-Мария Новелла. Небольшой двухэтажный особнячок, прячущийся в тени ухоженного сада, украшали остродужные арки и высокие стрельчатые окна, окаймленные растительным орнаментом, вне всяких сомнений, позаимствованные из ранней европейской готики.

Подмастерье, встретивший инспектора у порога, побежал

доложить о нем мастеру. В ожидании, когда Леонардо спустится, инспектор уже в который раз окинул придирчивым взглядом свой костюм. Он рискнул надеть панталоны без вырезов, нераспашной кафтан с прямым воротом, почти без складок, с узкими рукавами, и башмаки с расширенными носами. Подобный стиль одежды только еще начал входить в моду на территории Италии, и Ладин немного побаивался, что его костюм покажется флорентийцам излишне экстравагантным.

Леонардо сбежал по узкой пристенной лестнице со второго этажа, где находилась мастерская, в которой он проводил большую часть своего времени.

– Рад тебя видеть, сеньор дель Ланци! – разведя руки в стороны, Леонардо приветливо улыбнулся. – Какими судьбами? Я не ждал тебя раньше осени.

– Как всегда, во Флоренцию меня привели дела, – немного смущенно улыбнулся инспектор.

Он подошел к Леонардо, и они, по давно уже сложившейся традиции, обнялись.

Леонардо, как обычно, был одет только в панталоны и белую рубашку с широкими рукавами, поверх которой был накинута расстегнутый малиновый жилет с вертикальным узором в виде нераспустившихся розовых бутонов. С точки зрения любого из представителей флорентийской знати, подобный костюм был совершенно недопустим для человека, чей общественный статус соответствовал тому, который занимал

Леонардо да Винчи. Но сам Леонардо не придавал этому никакого значения. И тем, кто хотел иметь с ним дело, приходилось мириться со вкусами мастера.

– Хорошие новости или плохие? – отстранившись на расстояние вытянутых рук и по-прежнему держа инспектора за плечи, спросил Леонардо.

– Смотря как на это взглянуть, – Ладин сделал неопределенный жест рукой. – Один из моих флорентийских поставщиков оказался недобросовестен в отношении взятых на себя обязательств. По счастью, мне вовремя стало об этом известно. Поэтому я и прибыл во Флоренцию, чтобы разобраться со всем на месте, а если потребуется, найти себе другого партнера.

– Ну, у нас, во Флоренции, с каждым торгашом следует держать ухо востро, – Леонардо ободряюще похлопал приятеля по плечу. – Такой уж здесь народ.

– В любом случае я рад, что представилась возможность повидаться с тобой, – улыбнулся инспектор.

Искренность его не вызывала сомнений. Он и в самом деле был рад встрече.

– Франческо, накрывай на стол! – крикнул Леонардо, заметив заглянувшего в комнату подмастерья.

– Нет-нет, – тут же протестующе взмахнул рукой инспектор. – У меня не так много времени, чтобы тратить его на пережевывание пищи. Пообедать я смогу и в другом месте, где мне не смогут предложить ничего более интересного.

– Ах, Паоло! – лукаво улыбнувшись, Леонардо погрозил приятелю пальцем. – Вижу, ты уже наслышан о моих новых работах!

– Да, – наклонил голову инспектор. – И на некоторые из них я непременно хочу взглянуть.

– Прощу! – Леонардо приглашающим жестом вытянул руку, указывая на лестницу, ведущую на второй этаж.

Уже поднимаясь наверх следом за гостем, Леонардо обернулся и на ходу кинул подмастерью:

– Кувшин вина!

Войдя в мастерскую, залитую ярким, почти осязаемо белым светом позднего летнего утра, Ладин остановился и как зачарованный посмотрел по сторонам. Всякий раз, когда он оказывался здесь, ему казалось, что он попадал в некий нереальный мир, существующий по каким-то своим законам, не имеющим никакого касательства к окружающей действительности. Изумление, восторг и ожидание чуда, – вот чувства, охватывающие инспектора, едва только он оказывался в этом удивительном месте, существующем то ли в ином измерении, то ли и вовсе вне времени и пространства, и в этом Храме Искусства, в котором творил величайший гений эпохи Возрождения, а может быть, и всего человечества.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.